

Техника в жизни человека: социально-философский аспект

© Г.В. Черногорцева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена техника как важнейшая составляющая жизни общества и человека. Благодаря применению техники, являющейся результатом творческой деятельности, существенно облегчается труд, повышается жизненный уровень и благосостояние людей. Вместе с тем развитие техники влечет проблемы, которые становятся предметом анализа современной философии.

Ключевые слова: человек, творчество, наука, техника, философия

Значимой частью современной социальной жизни является научно-техническая революция. В работе «Человек и машина» Н.А. Бердяев отмечал, что в XX в. «вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» [1, с. 147]. Бесконечна вера человека в технику, ее мощь и безграничное развитие. Техника есть последняя любовь человека, констатировал Н.А. Бердяев, и человек готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви [1, с. 148]. Эта мысль Бердяева оказалась пророческой, не случайно представители всех философских направлений так или иначе интерпретировали ее неисчерпаемые глубины.

Согласно Н.А. Бердяеву, «машина диктует свои законы, машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие» [1, с. 151]. И человек охотно идет ей навстречу, приписывая, например, машине витальные функции, твердя об усталости металла, об устройствах, которые «всегда думают о нас» и т. д.

Н.А. Бердяев предупреждал, что техника в своем всепроникающем развитии все больше и больше отрывает человека от природы, требуя формирования нового типа приспособления к миру, причем к существенно измененному миру технической действительности. Он высказывал опасения относительно того, будет ли человек в состоянии «дышать в новой, электрической и радиоактивной атмосфере, в новой холодной, металлической действительности, лишенной животной теплоты» [1, с. 15]. «Люди совсем еще не знают, — писал Н.А. Бердяев в предшествующие Второй мировой войне годы, — насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая создается его собственными техническими изобретениями и открытиями». Н.А. Бердяев обращал внимание на то обстоятельство, что в создании

орудий разрушения изобретательность человека выше, чем в проектировании целительной техники. В общем и целом опасения Бердяева подтвердились дальнейшим ходом развития социальной жизни. В частности, на XVIII Всемирном философском конгрессе, проходившем в Брайтоне (Англия) с 21 по 27 августа 1988 г., Э. Агацци констатировал, что в настоящее время «важнейшей задачей философии является доказательство бытия человека» [2, с. 34].

До тотального наступления техники человек был окружен природой, любил сады и животных, был тесно связан с землей: «Культуру, государство, быт любили понимать органически, по аналогии с живыми организмами» [1, с. 149].

Техника создает новую действительность, понять которую можно, лишь проведя различие между организмом и организацией: организм рождается и сам рождает, а организация создается активностью человека и не порождает ничего такого, что могло бы жить своей естественной жизнью. Эти мысли Бердяева вполне соответствуют идеям «Мифа машины» Л. Мамфорда [3], публицистическим произведениям А. Камю, размышлениям М. Хайдеггера и Хосе Ортеги-и-Гассета [4].

В частности, М. Хайдеггер в сборнике статей, объединенных общим названием «Разговор на проселочной дороге», утверждает, что ветряная мельница и мельница с водяным колесом находятся в таком отношении с природой, которое дает основание сравнивать их с произведениями искусства. Они связаны с землей, чего нельзя сказать о современной технике. Если нет ветра и не бежит вода, то тут уж ничего не поделаешь: движение прекращается. Кроме того, сооружения такого рода обычно гармонично вписывались в ландшафт, раскрывая и используя те свойства местности, которые без них вряд ли были бы замечены: ветряная мельница стоит на равнине подобно маяку, надеющему своим светом местность, без него полную скуки.

Современные электростанции вырабатывают базовые формы энергии, накапливая ее в чувственно не воспринимаемой форме. На место уникальной вещи вроде изготовленного ремесленником горшка приходит мир обезличенных, без субъективных особенностей вещей, как писал М. Хайдеггер, резервов на длительное время, запасов. Живущий среди обезличенных вещей обезличенный человек-ман производит обезличенные вещи. Мир современных артефактов всегда готов и пригоден для всякого употребления, манипулирования, выбрасывания. Промышленные сооружения редко вписываются в ландшафт или дополняют его. Они не только загрязняют окружающую среду, но и похожи друг на друга, ибо, вызванные потребностями больших городов, они целиком и полностью зависят только от математических расчетов, соображений пользы и выгоды и накладываются на любой ландшафт независимо от его характера.

Современная техника неизбежно игнорирует сам земной характер мира, его естественность, она имеет тенденцию и возможности превратить человека из организма в машину [1, с. 151], а отсюда, как утверждает М. Хайдеггер, и появляется злоеший гость XX в. — бездумность. Она связана, как ни странно на первый взгляд, с достижениями научно-технического прогресса. Именно благодаря им познание всего и вся доступно так быстро и так дешево, что в следующее мгновение так же поспешно забывается. Человек спасается бегством от мышления. Бегство от мышления и есть основа для бездумности, ибо, подобно тому как оглохнуть человек может в силу того, что обладал слухом, а ослепнуть потому, что был зрячим, точно так же можно стать бездумным лишь потому, что в самой основе бытия человек обладает способностью к мышлению, считает М. Хайдеггер.

Конечно, современный человек отрицает бегство от мышления, аргументируя это тем, что никогда еще не было таких объемов научных исследований, как сегодня. М. Хайдеггер признает небывалые достижения естествознания и техники, но резонно замечает, что все эти исследования есть частный вид мышления, тратиться на который весьма выгодно и полезно. Специфика такого мышления в том, что оно всегда считается с данными условиями и рассчитывает на определенные результаты. Это рассчитывание отличает мышление, которое исследует и планирует все более многообещающие и выгодные возможности. Оно не может успокоиться, прийти в себя и подумать о смысле, царящем во всем, что есть. Восторгаясь вычисляющим мышлением, человек спасается бегством от осмысляющего раздумья, аргументируя это тем, что оно парит над действительностью, потеряло почву, не в силах помочь справиться с повседневными делами, бесполезно в решении практических проблем. К тому же осмысляющее раздумье требует высших усилий, более длительных упражнений, более чуткой заботы, чем любое другое ремесло. Оно должно уметь ждать, как ждет крестьянин урожая, и все же каждый может выйти в путь в границах своих возможностей и в своих пределах.

Это возможно при условии, доступном каждому: остановиться на близлежащем и подумать о самом близком, о том, что касается каждого из людей, здесь и теперь. Это очень важно потому, что современные средства информации ежечасно стимулируют человека, наступают на него, гонят его и в результате сегодня ближе человеку, чем пашни вокруг его двора, чем небо над землей, чем обычаи и нравы его села, чем традиции и предания его семьи. Сейчас под угрозой находится укорененность самого человека, а утрата укорененности связана, по М. Хайдеггеру, с самим духом современного мира. Дело в том, что в связи с научно-технической революцией произошел переворот в основных представлениях, человек оказался пересаженным в другую действительность.

Истоки сложившейся ситуации М. Хайдеггер усматривает в той радикальной революции в мировоззрении, которая произошла в философии Нового времени, когда мир стал представляться объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, перед которой уже ничто не сможет устоять. Природа стала все в большей степени представляться гигантской бензоколонкой, источником энергии. Это в принципе техническое отношение человека к мировому целому впервые возникло в Европе, поскольку, видимо, именно европейскому менталитету имманентно и изначально присуща дихотомия субъекта и объекта. Техническое отношение европейского человека к мировому целому было долго незнакомо другим континентам, не говоря уже о том, что оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов.

Поскольку научно-технический прогресс не остановить, логично согласиться с М. Хайдеггером, что человек во всех сферах своего бытия будет все более плотно окружен силами техники, а эти силы повсюду ежеминутно требуют к себе человека, привязывают его к себе, тянут его за собой, осаждают его и навязываются ему. Эти силы, пишет М. Хайдеггер, давно уже переросли человеческую волю и способность принимать решения, ибо от отдельного человека наступление техники не зависит.

Современная философия озабочена тем, что с помощью технических средств осуществляется наступление на жизнь и сущность человека, и страшно то, что человек не подготовлен к такому повороту событий, к столь радикальному изменению мира. Он не способен встретить осмысляюще то, что лишь начинается в современном мире. Между тем спасение человека — в осмысляющем раздумье, на путях которого возможно решение вопроса о том, сможет ли человек с утратой старой укорененности обрести новую почву, на которой будет по-новому процветать его сущность.

Осмысляющее мышление требует от людей не цепляться за какое-то одно представление, а сойти с привычной мыслительной колеи, по которой они мчатся все дальше и дальше. Современные исследователи считают возможным сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», запретив им извращать, сбивать с толку и опустошать человеческую сущность. М. Хайдеггер предлагает впустить технические приспособления в жизнь и в то же время оставить их снаружи как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Такое отношение М. Хайдеггер называет отрешенностью от вещей.

Сегодня во всех технических процессах господствует смысл, который располагает человеческими поступками и поведением. Смысл мира техники скрыт от людей. Чтобы постичь его, необходимо поведение, которое М. Хайдеггер называет открытостью для тайны.

Отрешенность от вещей и открытость для тайны дают возможность обитать в мире совершенно иначе. Благодаря им можно выстоять в мире техники, уже не опасаясь его. Но пока человек на земле находится в опасном положении.

М. Хайдеггера особенно беспокоит то, что достижения научно-технической революции вполне способны захватить, околдовать, ослепить человека так, что однажды вычисляющее мышление останется единственным действительным и практикуемым способом мышления. На человечество надвигается, утверждает немецкий мыслитель, великая опасность равнодушия к размышлению и полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательности. Если человек откажется от осмысляющего раздумья, то тем самым он отречется от себя, отбросив свою глубочайшую сущность. Отрешенность от вещей и открытость для тайны никогда не придут к людям сами собой, не выпадут на их долю случайно. Они рождаются лишь из неустанного и решительного, мужественного размышления. Если отрешенность от вещей и открытость для тайны пробудятся в людях, то они выйдут в путь, который ведет к новой почве для укоренения, ибо в состоянии отрешенности, по мысли М. Хайдеггера, вещи и дела мира оставляют человека в покое не потому, что он изымается из их контекста, а благодаря тому, что человек занимает принципиально иную позицию по отношению к вещам.

Техника учит повсюду достигать наибольших результатов при наименьшей трате сил. Она всегда есть средство, а не цель. «Не может, — пишет Н.А. Бердяев, — быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда лежат в другой области, в области духа... Человек, бесспорно, инженер, но он изобрел инженерное искусство для целей, лежащих за его пределами... Бесспорно, экономика есть необходимое условие жизни... Но цель и смысл человеческой жизни лежат совсем не в этом необходимом базисе жизни» [1, с. 148].

По Хайдеггеру, человек есть прежде всего само себя созидующее, само себя преодолевающее, само себя проектирующее существо, для которого язык — дом бытия.

Восходящая к Дунсу Скоту идея уникальности и незаменимости индивидуальности через Блеза Паскаля к Сёрену Кьеркегору с его понятием ответственного внутреннего выбора и от него к современной философии с ее пониманием свободы как изначально присущей человеку, позволяет человеку сделать себя тем, кто он есть, выбрать свою собственную историю жизни. Это как нельзя более соответствует социальным реалиям современного мира, в частности, тому вызову, который техника как «ставка века» (Жак Эллюль) бросает человеку и человечеству.

Философия стремится осмыслить вызванные научно-техническим прогрессом перемены в самой жизни человека в нетехнических терминах. Как замечает К. Митчем, отрицание технических терминов для выражения существа порожденных развитием техники проблем по сути есть акт самозащиты перед лицом языка, готового свести все другие диалекты к интересным лишь для него, но не существенным самим по себе диалектам [5, с. 154].

Многообразие подходов к интерпретации человеческой жизни связано со способностью человека к интерпретации. Согласно Л. Мамфорду, такая способность составляет сущность человека, ибо если бы внезапно исчезли все технические изобретения последних пяти тысяч лет — это было бы катастрофой. Но все же человек остался бы человеческим существом. Однако если бы у него была отнята способность интерпретации, то все исчезло бы быстрее, чем в фантазиях Просперо, и человек очутился бы в более беспомощном и диком состоянии, чем любое другое животное. Он был бы близок к параличу.

Согласно Э. Кассиреру, определившему человека как существо, создающее символы, формирование символической культуры посредством языка было несравненно более важным, чем обтесывание целой горы топоров для дальнейшего развития людей. Человек нашел способ с помощью своих сигналов выражать содружество и любовь, обогащать жизнь живой памятью о прошлом и сознавать импульсы, способствующие дальнейшему развитию ценностно-значимых аспектов жизни.

Таким образом, ответственность человека еще более возрастает: он не только осуществляет выбор своей жизни, создает историю своей жизни, но еще и интерпретирует свою жизнь и жизнь других: классическими вариантами таких интерпретаций можно считать исповеди Ж.Ж. Руссо и Л.Н. Толстого, исповедь адвоката на покаянии — героя работы А. Камю «Падение». Техничность человека не просто противоположна техничности животных, проявляющейся в плетении паутины, строительстве плотин, витье гнезд, брачных танцах и играх: такая деятельность животных есть проявление их жизненных инстинктов, она естественна для них.

Однако техническое отношение человека к миру принципиально иное. Несомненный характер антропологического происхождения техники вполне удовлетворительно объясняет производство ручного рубила, лука и стрел и т. д. как вещей, без которых человек не выжил бы. Телевизор и реактивный самолет, в отличие от них, не являются жизненно необходимыми, а удовлетворяют потребности, опосредованные культурой. Вывод: исток техничности человека состоит в разрыве с органическим естественным миром как не удовлетворяю-

щим человека, и человек решает изменить его, создать «вторую природу» (И. Кант), мир артефактов, в природе не встречающихся. Человек не только приспособляется, но и приспособливает к себе окружающую среду в соответствии со своими потребностями, интересами, целями, характеризующимися непрерывным возрастанием.

Современная техника основывается на понимании жизни как творческой активности, стремлении преодолеть пространство и простор, достичь большей степени власти и господства над пространством и временем, расширить границы конечного существования.

Невиданное могущество созданных человеком артефактов ставит самого человека в положение властителя своей судьбы. Сегодня утвердилась мысль о том, что именно человек есть не просто центр Универсума (Пьер Тейяр де Шарден), но более того — центр конструирования Универсума. Именно поэтому человеческая жизнь есть необыкновенная реальность.

Необычность человеческой жизни как реальности состоит в том, что это реальность радикальная. Это значит, что именно с человеком соотносятся все другие реальности, действительные и возможные, которые так или иначе проявляются именно в человеческой жизни [6, с. 79].

И именно человек в своей жизнедеятельности ответственен за все, что происходит и с ним самим, и с другими реальностями, периферическими по отношению к его центральному положению.

Ответственность человека, которая приобрела неведомую прошлым векам весомость и значимость, вменяется ему не только как существу, создающему орудия труда (Б. Франклин, К. Маркс), способному испытывать стыд, жалость и благоговение (В.С. Соловьев), занимающемуся политикой (Аристотель), не только как «мыслящему тростнику» (Блез Паскаль), но и как имманентно присущая самой человеческой сущности.

Только человек способен осознать хрупкость, временность, конечность своей жизни. А это осознание придает ей ни с чем не сравнимую ценность и вместе с тем порождает ответственность человека за выбранную им историю своей жизни, за содержание, реализацию его жизненных проектов, программ (Ж.-П. Сартр, Хосе Ортега-и-Гассет). При этом современная философия вовсе не отрицает ответственности человека перед другими людьми и миром, и это признание многогранной и многоликой ответственности человека наиболее ярко проявилось в публицистических и литературных произведениях А. Камю, Ж.-П. Сартра, М. де Унамуно и др.

Преобразуя мир в качестве технического существа, модифицируя, изменяя окружающую среду, человек использует свою деятельность для того, чтобы сконструировать свой внутренний мир, чтобы выработать свои идеи и верования, представления о мире, текущие и

перспективные планы, жизненные программы, проекты... Так как сущностью человека является действие и жить человек может лишь делая что-либо, то во внешний мир он выходит как самодостаточная сущность вместе со своей самостью, но не той, что была у него прежде, а модифицированной согласно тем ставшим предпочтительными образцам, которые сформировались в его внутреннем духовном мире.

Прежде чем изменить что-то в своей жизни или внести изменения в окружающее, человек должен решить, что именно он собирается сделать, т. е. осуществлению смысложизненного выбора предшествует определенная совокупность знаний, и, видимо, не случайно еще Сократ связывал знание с добродетелью. Человек должен просматривать некоторую совокупность вариантов, числом не менее двух.

Для этого человеку нужны взгляды, убеждения, вера как функция человека (Хосе Ортега-и-Гассет). Совокупность верований является основанием для выбора единственного значимого для человека в контексте ситуации варианта действия.

«В каждой человеческой жизни, — замечает Хосе Ортега-и-Гассет, — есть базовые, фундаментальные, радикальные верования и вытекающие из них, опирающиеся на них производные и вторичные верования... Без структуры бесчисленное множество верований, которыми живет человек, представляло бы собой некое месиво, не поддающееся какому бы то ни было порядку. И, наоборот, тот факт, что верования имеют определенную структуру и иерархию, позволяет увидеть их скрытый порядок и понять жизнь — и свою, и чужую: и современную жизнь, и жизнь другой эпохи» [6, с. 80].

Современная мысль придает существенное значение различению идей и верований, так как считает человеческое существование детерминированным перечнем убеждений, верований человека.

Способность к изменению есть фундаментальное свойство человека, причем он часто не знает, кем он хочет и собирается стать, но всегда знает, кем он быть не собирается. При этом прошлое онтологически сохраняется в жизни человека как имущество бродяги, оно всегда с человеком в качестве настоящего.

Кардинальные сдвиги в развитии сущности человека и в философской рефлексии по поводу этого процесса детерминированы динамичным развитием социальной практики и, в частности, развитием научно-технического прогресса.

Человек переносит свою сущность на способ и цель действий, энергии и мастерство на окружающий мир, как бы воплощает себя в мире, опредмечивает. Однако в процессе этой деятельности человек как бы включает мир в себя, вбирает его во все более расширенном и глубоком варианте. Сегодня техника, порождая «состояние стреми-

тельного динамизма» [7, с. 157], предлагает человеку новые пограничные ситуации, к которым ему надо быть готовым [8]. Современные технологии (скайп, компьютер, мобильный телефон и т. д.) способствуют реализации не только позитивных способностей людей, но и негативных [9]. Новейшие технические средства ставят вопрос о качественно ином уровне управляемости современного социума [10], что во много раз увеличивает роль техники в XXI в. по сравнению с XX в., и, как следствие, многократно повышают ответственность самого человека.

Вполне возможно, что феномен техники как имманентно присущий человеку способ создания истории своей жизни [11] включает в себе потенциальную и актуальную возможность интерпретации с целью включения его в систему заведомо нетехнических принципов. Техника как изобретение, изготовление человеком своей собственной жизни, возможно, способна объяснить другие формы инаправленной деятельности и включить их в «форму форм» — историю человеческой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бердяев Н.А. Человек и машина. *Вопросы философии*, 1989, № 2, с. 143–162.
- [2] Агацци Э. Человек как предмет философии. *Вопросы философии*, 1989, № 2, с. 24–34.
- [3] Мамфорд Л. Миф машины. *Вестник МГУ. Сер. 12 Социально-политические исследования*, 1992, № 1, с. 62–81.
- [4] Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. Москва, Весь Мир, 1997, 704 с.
- [5] Митчем К. *Что такое философия техники?* Москва, Аспект Пресс, 1995, 148 с.
- [6] Ортега-и-Гассет Х. История как система. *Вопросы философии*, 1996, № 6, с. 78–103
- [7] Черногорцева Г.В. Сциентистские и философские интерпретации развития науки и техники. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2018, № 2, с. 155–159.
- [8] Нехамкин В.А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов). *Историческая психология и социология истории*, 2014, т. 7, № 2, с. 63–79.
- [9] Нехамкин В.А. Пограничная ситуация: индивидуально-психологический аспект (на опыте Второй мировой войны). *European Social Science Journal*, 2016, № 7, с. 273–282.
- [10] Нехамкин А.Н. *Президент для будущей России. Проблема оптимального общественного выбора*. Брянск, Брянское областное полиграфическое объединение, 2008, 527 с.
- [11] Черногорцева Г.В. *Суцность человека в философии экзистенциализма (по работам М. Хайдеггера и А. Камю)*. Москва, МАКС Пресс, 2002, 212 с.

Статья поступила в редакцию 30.03.2018

Г.В. Черногорцева

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Черногорцева Г.В. Техника в жизни человека: социально-философский аспект.

Гуманитарный вестник, 2018, вып. 5.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-5-524>

Черногорцева Галина Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: irbiscotta@mail.ru

Technology in human life: socio-philosophical aspect

© G.V. Chernogortseva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article considers technology as an important part of human and social life. Being the result of people's creative activity, technology makes their labour considerably easier and increases their living standards and welfare. At the same time, technological expansion brings with it some problems that are analyzed by modern philosophy.

Keywords: *human being, creativity, science, technology, philosophy*

REFERENCES

- [1] Berdyaev N.A. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 1989, no. 2, pp. 143–162.
- [2] Agazzi E. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 1989, no. 2, pp. 24–34.
- [3] Mumford L. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki — Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 1992, no. 1, pp. 62–81.
- [4] Ortega y Gasset J. *Obras completas. V. I–XI. Madrid, 1953–1971*. [In Russ.: Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy*. Moscow, Ves Mir Publ., 1997, 704 p.].
- [5] Mitcham C. *¿Qué es la filosofía de la tecnología?* Barcelona, Anthropos, 1989, 214 p. [In Russ.: Mitcham C. *Chto takoe filosofiya tekhniki?* Moscow, Aspekt-press Publ., 1995, 148 p.].
- [6] Ortega y Gasset J. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 1996, no. 6, pp. 78–103.
- [7] Chernogortseva G.V. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk (International Journal of Human and Natural Sciences)*, 2018, no. 2, pp. 155–159.
- [8] Nekhamkin V.A. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii — Historical Psychology & Sociology*, 2014, vol. 7, no. 2, pp. 63–79.
- [9] Nekhamkin V.A. *European Social Science Journal*, 2016, no. 7, pp. 273–282.
- [10] Nekhamkin A.N. *Prezident dlya budushchey Rossii. Problema optimalnogo obshchestvennogo vybora* [The President for Russia's future. The problem of optimal social choice]. Bryansk, GUP "Bryanskoe oblastnoe poligraficheskoe obyedinenie" Publ., 2008, 527 p.
- [11] Chernogortseva G.V. *Sushchnost cheloveka v filosofii ehkzistencializma (po rabotam M. Hajdeggera i A. Kamyu)* [The Essence of Man in the Philosophy of Existentialism. Following the works by M. Heidegger and A. Camus]. Moscow, MAKS Press Publ., 2002, 212 p.

Chernogortseva G.V., Cand. Sc. (Phil.), Assoc. Professor of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: irbiscotta@mail.ru